

— Выходные я просидел дома. Сезон зимней рыбалки закончился, летней ещё не начался, лёд разломался, но не сошёл ещё полностью. Дома я составлял сборник песен Высоцкого. Прокручивал раз за разом свои магнитофонные записи и записывал текст на бумаге, потом перепечатывал его на машинке. Коля Нацвалян тоже писал тексты со своих плёнок и рукописные записи отдавал мне, а я, печатая под копирку, делал и для себя и для него машинописные экземпляры. Так у нас собралась довольно приличная подборка сотни на полторы песен. Да ещё "Нерв" мы раздобыли на время и оттуда я перепечатывал на машинке тексты песен, которых не было у нас на плёнках.

— В понедельник с утра на работе я снова погряз в описании постановки задачи, которое занимало уже несколько метров бумаги для распечаток ЭВМ. В обед пошёл, как обычно, перекусить в кафе-кондитерскую у "Спутника". Взял свой стандартный набор: стакан сметаны, пару свежих булочек, два стакана кофе с молоком "из самовара" (бачковое), встал у стойки, начал есть. И что-то показалось мне, что очень душно тут как-то, нехорошо.

— И вдруг музыка какая-то зазвучала, что-то Высоцкое, и показалось мне, что я перестаю чувствовать свои ноги и вообще теряю сознание, и тут же сильное чувство страха, уж не помираю ли... С усилием оттолкнувшись от стойки, я сделал несколько шагов и оказался на улице. Мелькнула мысль: в аптеку надо, валидол взять на всякий случай, если это сердце..., хотя боли никакой я не чувствовал, просто ноги стали ватными, и я весь вспотел от испуга.

— Аптека была как раз рядом, я купил валидол и положил таблетку под язык. На свежем воздухе, едва я его глубоко вздохнул, мне сразу стало заметно лучше. И я потихоньку побрёл к кирхе, но не напрямик, а по Кутузова, затем по проспекту Победы, чтобы отдышаться, успокоиться.

— Погода была чудесная, солнечный мартовский день, снега уже давно и следов не осталось, сухо, тепло. Я дошёл не спеша до кирхи, поднялся к себе на третий этаж, уселся в любимое кресло за столом, закурил. И вдруг - снова! Голова закружилась, что-то зазвенело в ней, меня замутило. Может, отравился? Тогда надо домой сматываться, поближе к унитазу, и отлежаться. В трамвае я на всякий случай ещё одну таблетку валидола сунул под язык.

— Сашуля была дома, я сказал ей, что что-то неважно себя чувствую, прошёл в туалет, закурил и ... опять накатила волна какой-то непонятной дурноты, слабости. Я еле добрался до кровати, лёг, дыша тяжело и порывисто. Душно. Воздуху не хватает.

— Сашуля, открой форточку, пожалуйста, - жалобным голосом попросил я.

— Да что с тобой? - встревожилась Сашуля.

— Сам не знаю. Плохо чего-то. Обмороки какие-то. Воздуху не хватает. Слабость жуткая.

— Может, скорую вызвать?

— Давай, - вяло согласился я.

— Скорая приехала минут через пятнадцать. Пожилая женщина выслушала мой невнятный рассказ, измерила давление и велела медсестре сделать мне укол (что-то из сосудорасширяющих - дибазол? папаверин? - с анальгином и димедролом).

— Сейчас Вам станет легче, Вы уснёте, а завтра пойдёте в поликлинику к своему участковому врачу, и он назначит Вам лечение.

— Скажите, а что это такое со мной?

— Это Вам ваш врач скажет. Моё дело не диагнозы ставить, а первую помощь оказывать. Но могу сказать - это первый звоночек.

— Гипертония?

— Скорее всего.

— А это опасно?

— Смотри как будете относиться к болезни, реагировать на неё. Ваша реакция мне не нравится. Пугаться так нечего, успокойтесь, ничего страшного. Курите много?

— Порядочно.

— А пьёте?

— Да как сказать, в меру.

— Надо сокращать. И то, и другое.

— Скорая уехала. Я заснул и проспал до утра. Утром чувствовал себя разбитым, как с похмелья. Пошёл в поликлинику, записался на приём на завтра, вернулся домой и отлёживался в дремоте весь день.

— Гипертония моя была для меня не новость. Ещё осенью прошлого года, до защиты, в сентябре, когда я приезжал в Ленинград рассылать автореферат, я после одной из выпивок у Лариски почувствовал беспокоящие ощущения в области сердца. Пожаловался Лариске с Аллочкой, они напоили меня валокардином или ещё чем-то в этом роде, но ощущения не проходили, возникая то со стороны груди, то со спины, то повыше, то пониже, но определённо в области сердца. В медицинском энциклопедическом словаре я вычитал, что это боли невротического характера, сопровождают обычно гипертоническую болезнь. И тогда же я по поводу этих ощущений обратился к врачу - Нахамкиной, худенькой, веснушчатой женщине лет тридцати, заменявшей нашего участкового - Гвртишвили. Она выявила у меня повышенное давление (не помню сейчас, сколько) и поставила диагноз - гипертония с вопросом, то есть надо, мол, обследоваться. А пока прописала что-то против давления и микстуру Кватера. Я попринимал и то, и другое, а обследоваться было некогда, наличие у меня гипертонии в ранней стадии меня не пугало и не удивляло, поскольку отец давно страдал гипертонией, значит, наследственное. А потом и боли вроде бы исчезли, если не совсем, то редко беспокоили.

— В этот раз я попал к Гвртишвили, тому самому грузину, помладше меня, который начал было вести маму, когда она приехала к нам в последний раз, да так и не успел ничего сделать. Гвртишвили не сказал ничего нового. Да, гипертония (давление у меня было 150 на 100 во время визита к нему), точнее, вегетососудистая дистония - нарушения сосудистой деятельности нервного происхождения, которые могут со временем перейти в устойчивые повышения давления - гипертонию. Надо меньше пить, не курить, почаще бывать на свежем воздухе, заняться спортом. Прописал мне опять же понижающие давление таблетки и порекомендовал попить регулярно настойку пустырника - и сосуды расширяет и вообще хорошо успокаивает.

— Неделю, другую я принимал назначенное и в обмороки больше не норовил упасть. А тем временем подошла пора ехать в очередную командировку. В ИЗМИРАНе 30-го марта я должен был оппонировать Можаяву, тоже, как и Бобарыкин, выученик Осипова, и Осипов сам просил меня быть оппонентом у Можаява. Я согласился, поскольку работы Можаява хорошо знал. Они мне нравились и никаких сомнений в его диссертационной состоятельности у меня не было, я даже полагал, что Можаяв перезрел уже и гораздо раньше мог защищаться.

— Приехав в ИЗМИРАН, я узнал, что Коля Бобарыкин таки прошёл секцию как раз в тот понедельник, когда меня прихватило, и накануне которого он канючил у меня в кирхе, вымаливая непонятную справку. Председателем секции солнечно-земной физики (параллельной секции Лобачевского) был теперь не Жулин, который со всех своих постов полетел и оставался простым эсэнэсом, а Луговенко - новый в ИЗМИРАНе человек. Это и позволило Коле выйти на секцию без нашей рекомендации, а когда кто-то из зала (якобы Ситнов) спросил насчёт нашего мнения, Коля (по одним источникам сам Бобарыкин, по другим - Осипов) заявил, что он диссертацию отдавал мне на прочтение, и я якобы в целом её одобрил, хотя кое-какие замечания высказал.

— Я сказал Ситнову, что ничего подобного, мы предлагали Коле выступить у нас на семинаре, он отказался, а что касается моего личного мнения, то оно резко отрицательное.

— Ну, вот, теперь поезд уже ушёл, - сказал Ситнов.

___ - А вы чего молчали все, или вы не специалисты по ионосферному моделированию? - накинулся я на него.

___ - А чего нам выступать, если вы его пропустили?

___ - Да не пропускали мы его!

___ - Надо было сообщить сюда.

___ - Да я и не знал наверняка, что он будет выступать. Знал, что он хочет, но думал его не выпустят без нашей рекомендации. Ну, ладно. Придётся на защите выступать. Но я попробую ещё на Осипова повлиять, может, придержит его.

___ С Осиповым мы так или иначе должны были встретиться в этот раз здесь на защите Можаяева. Но перед защитой я с ним не успел переговорить, он явился впритирку, после защиты его взяли под ручки и без задержки на банкет, там он быстренько набрался и, когда я попробовал говорить с ним о Бобарыкине, Осипов уже лыка не вязал и мычал что-то невразумительное насчёт того, чтобы я не залупался.

___ Защита у Можаяева прошла гладко, проголосовали единогласно "за". Отмечали событие у Коли Исаева на квартире (Исаев тоже осиповский выученик, неплохой парень). Первым оппонентом - доктором у Можаяева был Велиор Шабанский, известный магнитосферщик, которого я не видел уже очень давно, больше десяти лет, с тех пор, как они пикировались публично где-то с Пудовкиным. Тогда Шабанский был орёл, волосатая грудь нараспашку, рубашка в клетку, громовой голос, запои, гитара. Теперь он был уже не тот, перенёс не один инфаркт, практически не пил, но на гитаре играл и пел, и здесь на банкете после защиты Можаяева приставал ко мне, чтобы я рассказал всем, кто меня в молодости девственности лишил. И вроде бы не пил он тогда, а вёл себя как пьяный.

___ У Исаева и Можаяева я всё пытался выяснить, за что Осипов так Бобарыкина жалует и тащит в кандидаты наук. Неужели только за поднос бутылок и прочие такие услуги? Те только пожимали плечами - хрен его знает. От Исаева мы с Можаяевым вернулись за полночь в гостиницу и продолжили выпивку у меня в номере вместе со Славой Карвецким, который почему-то ещё не спал. Потом и Слава отвалил спать, а мы с Можаяевым всё гудели ещё, ведя беседы о Боге, о смысле жизни, о Высоцком, душераздирающе пели вдвоём "Затопа ты мне баньку по-белому" и разошлись только под самое утро уже. Хорошим парнем Саня Можаяев оказался, несмотря на свою несколько громилоподобную внешность, отнюдь не алкаш, как я, грешным делом, поначалу думал...

___ Встал я в двенадцатом часу дня. Зашёл Карвецкий. Мы с ним опохмелились по маленькой, попили кофе, и Слава уехал - домой уже, в Калининград. А у меня ещё какие-то дела были на пару дней. Я наводил порядок у себя в номере и вдруг почувствовал... опять... то же самое. Жуткая слабость, весь мгновенно покрылся потом, задышал часто. Выскочил на улицу, прохаживаюсь, хватаю воздух открытым ртом. И думаю, чего я так-то хожу, пойду в поликлинику, попрошу укольчик сделать, чтобы давление сбросить. Пошёл. В процедурной измерили давление - 160 на 100 и спросили в лоб:

___ - Пили?

___ - Да.

___ - Когда?

___ - Вчера на банкете и сегодня немного.

___ - Так вот, пить надо меньше. Ещё лучше совсем не пить. А сейчас идите, ложитесь и отлеживайтесь, пока хмель не выйдет.

___ - А, может, укол сделаете?

___ - Никаких уколов. Идите отдыхать.

___ Я побрёл обратно в ужасной тоске. Идти в номер и лежать там одному, со страхом прислушиваясь ко всему, что внутри меня происходит?

___ Нет, зайду-ка я к Зевакиной, вот как раз их корпус. У меня ведь и дела, как всегда, к ним есть. Раиса Афанасьевна - женщина добрая, пожилая и опытная, и пригреет, и пожалеет, и совет дельный даст. И я поплёлся в лабораторию Зевакиной. Зашёл сначала к Юдович, та начальницу позвала. Вид у меня был, судя по всему, весьма жалкий:

взъерошенный, бледный, ртом воздух хватаю, глаза красные от недосыпу, мутные с похмелья. Так что женщины сразу моё состояние уловили.

— Что с Вами, Саша? Вы нездоровы?

— Да, если правду сказать, отвратительно себя чувствую.

— А что такое? Вы так бледны...

— Давление подскочило. Перепил вчера, - честно признался я.

— Что же Вы так. С сосудами шутки плохи. Пойдёмте сейчас ко мне, я Вас полечу домашними средствами, - решительно сказала Раиса Афанасьевна.

— Я безропотно подчинился.

— Раиса Афанасьевна привела меня к себе домой, уложила на диван, велела расстегнуть воротник, открыла форточку, потёрла мне виски умелыми, приятными движениями, приготовила смесь из настоек валерьяны, пустырника и ещё чего-то, привезённых с Дальнего Востока, где эти травы якобы наиболее эффективны, и велела мне эту смесь выпить. Затем она приготовила постный бульон, заправила его рисом.

— Это будет сегодня Ваш обед. Много есть не нужно, надо разгрузить свой организм.

— После обеда я ещё полежал немного и почувствовал себя вроде бы получше. Раиса Афанасьевна посоветовала мне пойти снова в поликлинику и сказала к какому врачу, хорошей её знакомой, и спросила не нужно ли меня проводить. Я поблагодарил сердечную Раису Афанасьевну за её заботу и сказал, что сам пойду в поликлинику.

— Дело было уже к концу рабочего дня, и народу в поликлинике было мало, не то, что с утра. К рекомендованному мне врачу и вовсе никого не было. Врач - приятная женщина лет тридцати пяти, очень внимательно выслушала меня, измерила давление - 150 на 100, велела сестре сделать мне укол, и сказала:

— У Вас гипертонический криз, надо полежать спокойно пару дней и с месяц принимать сосудорасширяющие средства, таблетки и отвар пустырника.

— Я пожаловался на чувство страха, которое приходит одновременно с дурнотой, аж в пот бросает.

— Это у Вас нервы расшатаны. Надо приводить их в порядок, менять образ жизни. А пока принимайте реланиум - прекрасное успокаивающее средство, и как раз сейчас у нас в аптечном киоске продаётся.

— Под действием укола и реланиума я сразу заснул, едва добрался до кровати в своём номере. Утром проснулся поздно и чувствовал себя плохо: слабость, головокружение. И лежать здесь одному в этом гостиничном номере было ужасно тоскливо. Билет на самолёт в Калининград у меня был на завтра на вечер. Ещё больше суток тут маяться. Нет, поеду-ка я сейчас прямо в Москву к Бирюковым, у них переночую. Уж больно тошно тут.

— Но едва я встал с постели, меня закачало. Как же это я поеду? Схожу-ка я в поликлинику и попрошу укол на дорогу сделать. Народу в этот раз было много, пришлось стоять в очереди, хотя и с бумажкой, на которой было записано моё высокое давление, измеренное в процедурной. По этой бумажке меня должны были пропустить без очереди, но таких оказалось не я один, и пришлось ждать в духоте, отчего давление у меня наверняка ещё повысилось.

— Вчерашнего доброго врача не было. В этот раз я попал к злой пожилой тётке, которая, услышав, что я собираюсь ехать в Москву и прошу укол сделать на дорогу, начала на меня кричать: - С кризом, мол, в постели надо отлёживаться, а не по автобусам мотаться. Но, измерив сама моё давление, укол всё-таки сделала.

— Из ИЗМИРАНа я позвонил в Москву Бирюковым. Майечка оказалась дома. Я сказал, что приеду часа через два. До Бирюковых я добрался благополучно, хотя, когда вышел из метро на "Кропоткинской", меня здорово закачало. Майечка моё состояние так прокомментировала:

— Что ты хочешь, Сашенька, возраст подошёл. Тебе правильно сказали - первый звоночек. Вон у Генки тоже давление повышенное. Надо перестраиваться, следить за здоровьем.

___У Бирюковых я почувствовал себя намного спокойнее, а наутро и вовсе вроде бы выздоровел. Во всяком случае сил у меня хватило даже на то, чтобы обойти арбатские продовольственные магазины, постоять в нескольких очередях и набрать жратвы домой - мяса, сосисок, колбасы, сыра, масла. В наш голодный край везти всё надо было. И допёр всё это до аэропорта, а вечером уже был дома.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)